

Н. П. Казначеева

НАЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИХ СПЕЦЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье на основе архивных материалов раскрываются цели, направления и сроки использования советских спецлагерей в восточной зоне оккупации Германии, показывается их дислокация, приводятся статистические характеристики.

N. Kaznacheeva

PURPOSES AND USE OF SOVIET SPECIAL ENCAMPMENTS OVER THE TERRITORY OF GERMANY DURING THE POST-WAR PERIOD

Basing on the analysis of archive materials, the author of the article examines the purposes, directions and periods of use of Soviet special encampments in the east occupation zone of Germany, shows their dislocation and cites the statistical characteristics.

До начала XX в. лагеря концентрации людей в основном использовались для содержания пленных во время войн. Первый

опыт изоляции гражданского населения принадлежит Испании и Англии. Такая мера была обусловлена тем, что в эпоху

повышения политической активности масс «прежде разнородные элементы» стали превращаться «в гомогенную структуру, где ...самый скромный из граждан представляет частицу нации и, следовательно, в случае конфликта, сможет сыграть свою роль — иными словами, это потенциальный враг»¹. По мере развития человеческого общества понятие потенциальной угрозы укрепилось в качестве элемента политической стратегии и приобрело конкретность, а также механизмы устранения. К их числу относятся и лагеря, в организации управления которыми преобладает, по мнению Д. Руссе, «функция политического и социально-возмездия, подавления во всех его видах»².

Что касается советских лагерей для военнопленных и интернированных граждан зарубежных государств, то они предназначались для выполнения шести основных функций в различном их сочетании в зависимости от множества факторов: статуса содержавшихся в них лиц, состояния их здоровья, возраста, обстоятельств ареста и т. д. Первая функция заключалась в изоляции определенных групп лиц, признанных подозрительными или вредными для общества. Вторая функция преследовала цель воспитания тех граждан, которые подпали под влияние ошибочных или враждебных идеологических концепций. Еще одной функцией являлось устрашение части или всего общества. Важное значение имела также функция использования дешевой рабочей силы и формирования нового гражданского облика у заключенных в условиях изоляции от пагубного воздействия извне. Шестая функция предусматривала ликвидацию наиболее опасных представителей враждебных государств.

Естественно, возникает вопрос о том, насколько правомерным было стремление советских военных властей в Германии оказать влияние на сознание немецкого населения. Сегодня нередко такие попытки ставятся в вину победителям, хотя в условиях того времени и с учетом целей фашистской

идеологии это было не только необходимо, но и острой потребностью. Что касается средств и механизмов воздействия, то их следует признать типичными для соответствующего периода развития человечества.

Многие западные исследователи признают, что в Германии времен Гитлера существовал тоталитарный режим и что для устранения его последствий достаточно было ликвидировать идеологический фундамент, т. е. распустить правящую политическую партию, но не вмешиваться в деятельность различных корпоративных объединений, профсоюзов, не препятствовать развитию вариативности и плюрализма в германском послевоенном обществе. При этом упускается из вида то обстоятельство, что в условиях существовавшего режима воле вождя были подчинены все государственные структуры и общественно-политические институты, сохранение которых могло существенно затруднить миссию победителей.

Именно поэтому сразу же после подавления последних очагов вооруженного сопротивления врага союзники по антигитлеровской коалиции приступили к реализации мер, направленных на нормализацию жизни гражданского общества и на розыск нацистов, совершивших тяжчайшие военные преступления. Основная задача денацификации в первый послевоенный период заключалась в том, чтобы как можно быстрее выявить десятки тысяч чиновников старого режима, выделить из общей массы тех, кто в наибольшей степени запятнал себя преступной деятельностью. Во всех оккупационных зонах специально созданные органы действовали быстро, без промедления, не проявляя излишней снисходительности с преобладающим стремлением к одной цели: дать возможность стране и населению возродиться на здоровом фундаменте. Для этого проводилась большая согласованная работа. Союзники обменивались результатами допросов, показаниями свидетелей, сверяли полученные

данные с материалами архивов, задерживали и интернировали преступников. По всей Германии в спешном порядке создавались особые лагеря, из прагматических соображений активных нацистских функционеров размещали в бывших концентрационных фашистских лагерях, таких как Ноейнгамме в британской зоне, Дахау в американской зоне, Бухенвальд в советской зоне оккупации. Это лишь основные учреждения специального назначения, кроме них существовали и другие места для изоляции военных преступников.

После падения Берлинской стены интерес к деятельности спецлагерей существенно повысился, однако, до сих пор вектор его развития не отличается всесторонностью и стремлением к достижению полной объективности. Как и ожидалось, первыми разработчиками проблемы стали западные исследователи³. В трудах, вышедших в 1990-х гг., преобладает анализ деятельности советских специальных лагерей, которые некоторыми авторами не совсем обоснованно причисляются к концентрационным лагерям, дается, порой, неправильный перечень, относятся к лагерям пункты временного содержания подозрительных лиц, фильтрационные учреждения. Кроме того, в большинстве изданий, вышедших за границы, указывается, что советские лагеря в Германии были слишком малыми «для постоянно увеличивающегося контингента», они очень быстро оказывались переполненными «сверх всякой меры. Результатом такой «перенаселенности» становилась нехватка пищи, влекшая за собой недоедание, истощение и в конечном счете — смерть»⁴.

Некоторые западные исследователи, говоря о трудностях, с которыми столкнулись немцы в советских лагерях в Германии, в том числе об их переполненности, не использовали, однако, материалы российских архивных фондов, содержащие в себе данные о дислокации лагерей, движении спецконтингента и многое другое. В соответствии с этими материалами фактически ни один лагерь на различных этапах их

существования в Восточной Германии не был переполнен сверх нормы. Если взять, например, упомянутый выше лагерь Бухенвальд, рассчитанный на содержание двадцати тысяч человек, то на различных этапах его использования советской военной администрацией в нем имелось осенью 1945 г. 16219 свободных мест, весной 1946 г. — 14383, весной 1947 г. — 3985, в начале 1948 г. — 5617. По пятнадцать тысяч человек могли принять лагерь № 1 в Мюльберге, № 7 в Ораниенбурге и № 9 в Нойбранденбурге, однако они также никогда не были заполненными до отказа. По состоянию на те же периоды в лагере № 1 имелось, соответственно, 11471, 1894, 1636, 3300; в лагере № 7 — 3948, 3707, 5587, 5572; в лагере № 9 — 8127, 4549, 5355, 6220 свободных мест⁵.

На территории Восточной Германии летом 1945 года было создано десять спецлагерей. В Бранденбургской провинции находилось первоначально три лагеря в городах Фюрстенвальде — № 5, Франкфурте-на-Одере — № 6 и Ораниенбурге — № 7. В мае 1946 г. лагерь № 6 был переведен из Франкфурта-на-Одере в деревню Ямнитц, располагавшуюся вблизи города Либе-Розе⁶. Лагерь под номером семь первоначально предназначался для содержания 15000 человек, с мая 1946 г. он был расширен до двадцати тысяч мест, но до конца своего существования дополнительные места фактически не использовались.

Судьба того или иного лагеря зависела от интенсивности движения спецконтингента. По мере его сокращения лагерь расформировывались. Так, лагерь № 7, после того как в него перевели спецконтингент из лагеря в Мюльберге, стал первым номером. В конце исследуемого периода были объединены также спецлагеря № 3 и 4. Остальные были просто расформированы. Такая участь постигла лагерь № 5 в Фюрстенвальде, рассчитанный на десять тысяч человек. Он просуществовал до мая 1946 г., в это время в нем находилось 5783 человека, часть из них была освобождена, часть — переведена в другие спецучреждения. Если

опираться на материалы архивных фондов, по состоянию на выделенные нами выше временные отрезки, то получается, что обозначенные десять лагерей одновременно во второй половине 1940-х гг. не работали. Осенью 1945 г. на оккупированной советскими войсками территории имелось девять спецлагерей, столько же их оставалось и весной 1946 г. По состоянию на май 1947 г. насчитывалось шесть лагерей, к этому времени прекратили свое существование лагерь в Берлине, Франкфурте-на-Одере, Фюрстенвальде, Ямнитце⁷.

В провинции Мекленбург действовал лагерь № 9 в городе Нойбранденбурге вместимостью 15 тысяч человек, наибольшее число спецконтингента в этом учреждении достигало 10451 человек в мае 1946 г., в остальное время он был наполнен в среднем наполовину. На территории Саксонии располагалось два лагеря под № 1 и 4, вместимостью 15 и 7 тысяч человек соответственно. Пик наполняемости здесь пришелся в лагере № 1 на весну — лето 1947 г. (13364 человека), в лагере № 4 — на первую половину 1948 г. (6832 человека). В Саксонской провинции было также два лагеря — № 8 и 10. Эта провинция после выборов в местные органы власти осенью 1946 г. была преобразована в провинцию Саксония-Анхальт, а летом 1947 г. в соответствии с решением Контрольного совета приобрела статус земли⁸. Применительно к ее территории, по существу, речь идет об одном и том же лагере в городе Торгау. Первый из них, рассчитанный на 15000 человек, работал до середины 1946 года, в нем находилось не многим более семи тысяч человек. Вполне возможно, что по этой причине вместо него в 1947 г. был организован другой лагерь вместимостью 6000 человек. Однако и здесь количество задержанных лиц не превышало 2400 человек⁹.

Еще два советских спецлагеря находились в Веймаре — № 2 — Бухенвальд и Берлине — № 3. Берлинский лагерь Хоэншенхаузен вместимостью две с половиной ты-

сячи человек просуществовал до октября 1946 г. Послевоенная история Бухенвальда растянулась почти на пять лет, как специальное учреждение он был закрыт в феврале 1950 г.

С учетом приведенных выше данных необходимо заметить, что в самом Советском Союзе вплоть до конца 1950-х гг. наличие концентрационных лагерей вообще отрицалось. Мотивировалось это тем, что советскому государству чужды характерные для буржуазного строя институты насилия и принуждения. На официальном уровне признавалось существование «центров перевоспитания», которые, как утверждалось, не имели ничего общего с нацистскими концентрационными лагерями. Они относились к «местам изоляции военнопленных, заложников и социально-опасных элементов, не совершивших преступления, но подлежащих изоляции с целью поддержания общественного порядка и в качестве меры социальной защиты»¹⁰. Тем самым системе придавалось общественное значение, хотя нельзя отрицать и наличия политической аргументации в целях ее функционирования.

Применительно к некоторым категориям гражданского населения Германии, пострадавшим в результате поражения фашизма во Второй мировой войне, вопрос их содержания в специальных лагерях имеет, на наш взгляд, две стороны. Сегодня он оценивается главным образом с использованием моральных критериев, что, несомненно, связано с переоценкой ценностей и имеет под собой веские основания. В исследуемый период ему придавалось по преимуществу политическое значение, также обусловленное реальными последствиями агрессии против Советского Союза и соответствовавшее политическим стандартам того времени. В этом вопросе отсутствует какая-то средняя позиция, поскольку победитель, согласно историческим традициям, всегда располагал преимуществами над побежденными, обусловленными его собственными интересами.

Другой вопрос в том, что имевшаяся практика военных лет была насыщена примерами бесчеловечного отношения к гражданам стран противника во многих государствах мира. С учетом этого, по нашему мнению, важна цель концентрации и изоляции людей. Советские лагеря на оккупированной территории Германии получали самые различные определения у исследователей, особенно зарубежных исторических школ, их называли лагерями принудительного труда, подневольных работ и т.п. Однако в этом перечне отсутствует категория лагерей смерти, которые у всех без исключения ассоциируются с нацистской концентрационной системой, активно использовавшейся для воздействия не только на мировоззрение, но и сознание людей.

Если брать во внимание временные параметры проблемы, то первым в апреле 1945 г. был создан лагерь № 9 в Фюнфенхейме. Он просуществовал до октября 1948 г. Номера советских спецучреждений не совпадают с хронологией их образования, поскольку нумерация была введена только осенью 1945 г. без учета времени открытия и начала деятельности. По этой и по другим причинам мы бы не стали объединять советские лагеря в систему. Этому противоречит не только отсутствие строгой периодизации их деятельности, но и то обстоятельство, что лагеря открывались и закрывались по мере необходимости. К тому же и их численность постоянно менялась. Если уж говорить о системе, то, по нашему мнению, это следует делать применительно ко всем четырем оккупационным зонам и рассматривать структуру советских лагерей как один из ее элементов. В пользу такого подхода говорит, прежде всего, тот факт, что между лагерями союзников осуществлялся обмен арестованными на основании и с учетом данных об их постоянном месте жительства¹¹.

В мае 1945 г. в советской оккупационной зоне открылись два лагеря: под № 3 Хоэншенхаузен в Берлине и лагерь № 5 в Кетчендорфе. Берлинский лагерь работал

менее полутора лет до октября 1946 г. Лагерь № 5 использовался до февраля 1947 г. С июня 1945 и до января 1950 г. в Бауцене действовал лагерь № 4. В связи с изменением общей численности лагерей, с 1948 г. он был известен под № 3. С августа 1945 г. советскими властями стали использоваться бывшие немецкие концентрационные лагеря в Бухенвальде и Заксенхаузене. Они получили номера 2 и 7 и были закрыты последними, в феврале и марте 1950 г.¹²

Лагеря под номерами 1, 6 и 8 начали функционировать в сентябре 1945 г. в Мюльберге под Ризой, в Ямлице под Либен-Розе и в Торгау. Первый из них действовал до ноября 1948 г., второй — до января 1947 г., третий закрылся в октябре 1948 г. Десятый по счету советский лагерь в форте Цинна был открыт через год после победы, в мае 1946 г. До него здесь располагался лагерь № 8, который был переведен в Зейдлиц.

Опираясь на вышеприведенные данные, можно уверенно говорить о том, что все десять советских спецлагерей в Германии одновременно работали примерно четыре месяца. Их структура была окончательно сформирована в сентябре 1945 г., и состояла она из девяти спецлагерей. В 1946 г. к ним добавился еще один лагерь, однако в этом же году был закрыт лагерь в Берлине. Поэтому на начало 1947 г. по-прежнему оставалось девять лагерей. В январе, феврале и апреле 1947 г. закрылись лагеря № 8, 5 и 6 в Торгау, Кетчендорфе и Ямлице, осталось действовать шесть лагерей. Еще три лагеря в Торгау, Фюнфенхейме и Мюльберге прекратили свое существование в октябре — ноябре 1948 г. После этого осталось три лагеря в Бауцене, Бухенвальде и Заксенхаузене, которые были ликвидированы в период с января по март 1950 г.¹³

Количественные параметры любой исследовательской проблемы всегда вызывают споры. В этом смысле не стал исключением и вопрос о численности лиц, содержащихся в разное время в советских спецлагерях в Германии. В западных изданиях

по этому поводу ранее в основном делались ссылки на данные Г. Юста. Он говорит о том, что в общей сложности в советских лагерях в Германии с 1945 по 1950 г. содержалось 185 тыс. человек¹⁴. Его современные последователи утверждают, что эти данные сильно занижены, они суммируют количество лиц в специальных и фронтовых лагерях без учета их перемещения, и на этом основании одни говорят о почти 212 тыс. человек, другие — о 240 тыс. человек¹⁵. Во времена «холодной войны» в отдельных изданиях число интернированных в советской оккупационной зоне колебалось от 160 до 260 тыс. человек, при этом указывалось, что из них погибло от 65 до 130 тыс. человек¹⁶. Х. Вембер приводит данные британской разведывательной службы, где речь идет приблизительно о 300 тыс. узников советских спецлагерей¹⁷.

Все приведенные выше данные существенно отличаются от статистики, содержащейся в российских архивных документах. Если говорить в общем, то с 1945 по 1950 г. в специальных лагерях советской оккупационной зоны находилось 157 тыс. заключенных, среди которых 34706 человек являлись гражданами Советского Союза и 460 — представителями других европейских государств. И те, и другие подлежали репатриации. Немцы в общем количестве составляли 122 тыс. человек¹⁸.

Первые итоги в Отделе спецлагерей на территории Германии были подведены 15 октября 1945 г. по всем учреждениям. На эту дату в лагерях № 5, 6 и 7 в Бранденбургской провинции находилось 25149 человек, в спецлагере № 3 Берлина — 2719 человек. В лагере № 9 в Штрелетце Мекленбургской провинции содержалось 7828 человек, в Саксонии в лагерях № 1 и 4 — 8015 человек, в лагере № 8 в Торгау — 6357 человек, в лагере № 2 — Бухенвальд — 3781 человек. В конце мая 1946 г. эта цифра увеличилась до 83533 человек. В дальнейший период с учетом движения спецконтингента его количество постоянно снижалось, в середине мая 1947 г. до 61324 чело-

век, в начале 1948 г. — до 50146 человек. Пик наивысшей численности заключенных в лагерях и тюрьмах советской оккупационной зоны пришелся на середину 1946 г., к этому времени в спецучреждениях Бранденбургской провинции числилось 26224 человека, в Мекленбурге — 11531, в Саксонии — 19671, в Саксонии-Анхальт — 8404, в Тюрингии — 15398 человек¹⁹.

Однако в названных цифрах учтены не только немцы, они включают в себя весь контингент задержанных во время проведения оперативных мероприятий. Распределение заключенных по государственной принадлежности содержится в сведениях отделения охраны Отдела спецлагерей, которые составлялись каждые полгода. В соответствии с этими данными, общая численность немцев в советских лагерях постепенно увеличивалась. Если на конец 1947 г. их насчитывалось 113111 человек, то по учетам на май 1948 г. значилось уже 115032 человека, а через год, в мае 1949 г., — 119743 человека²⁰. Кроме того, из общего количества заключенных спецлагерей в числе выбывших значатся бывшие военнослужащие вермахта, переданные в лагеря для военнопленных (всего 6680 человек), освобожденные после проведения проверочных мероприятий (30319 человек), умершие по различным причинам (41907 человек), расстрелянные по приговорам военных трибуналов (756 человек), бежавшие из лагерей (109 человек). Фактически в обозначенные нами временные отрезки в лагерях в конце 1947 г. числилось 57102 человека, в том числе осужденных за различные преступления 10816 человек; в мае 1948 г. — 54791 человек, в том числе 11700 осужденных; в мае 1949 г. — 28492 человека, в том числе 14526 осужденных²¹. Как видно из приведенной статистики, общая численность заключенных постоянно уменьшалась, в то время как число привлеченных к ответственности росло.

Выше мы уже отмечали, что к середине 1947 г. в советской оккупационной зоне оставалось шесть лагерей. В них содержа-

лось: в лагере № 1 в Мюльберге 11764 человека, в лагере № 2 в Бухенвальде 14458, в лагере № 4 в Баутцене 6698, в лагере № 7 в Ораниенбурге 14139, в лагере № 9 в Нойбранденбурге 8799, в лагере № 10 в Торгау 1220 человек. Лица, осужденные на различные сроки лишения свободы, имелись только в трех лагерях под номерами 4, 7 и 10; в названном количестве заключенных их было 4225, 5679 и 895 человек соответственно²².

К концу мая 1948 г. во всех лагерях, кроме лагеря № 4 в Баутцене, численность заключенных сократилась в среднем на одну — две тысячи человек. В лагере № 4 она, напротив, увеличилась до 7512 человек, среди которых 5193 человека уже были осуждены. До мая 1949 г. сокращение коснулось всех без исключения советских лагерей. В это время в оставшихся лагерях содержалось в общей сложности 28492 человека, в числе которых осужденных было немногим более половины — 14526 человек: 5383 человека в Баутцене и 9143 человека в Ораниенбурге²³. Эти данные полностью подтверждают общую статистику движения заключенных в советских спецлагерях на территории Германии с мая 1945 по май 1949 г.

Таким образом, объектом денацификации с советской стороны были не немцы, а идеология фашизма, укрепившаяся в сознании представителей многих народов Европы. Вполне естественно, что в первую

очередь мероприятия коснулись немецкого населения, и среди арестованных было большинство немцев. Однако вместе с ними проверялись все, кто в силу различных обстоятельств оказался после окончания войны на территории Германии, в том числе и советские граждане.

Объективный анализ обстановки в первый послевоенный период в Германии показывает, что заранее спланировать процесс денацификации и проводить его по определенному плану было невозможно. Этим объясняется в первую очередь отсутствие четкой, нормативно обоснованной директивы. Сначала оперативные группы, а затем и специальные подразделения Советской военной администрации в Германии порой вынуждены были преодолевать фанатизм сторонников национал-социалистической идеи полицейскими методами, арестовывать всех без разбору и достаточных оснований, а уже потом проверять и разбираться. Такое положение не могло сохраняться долго, несмотря на очевидные мотивы вершить правосудие по своему усмотрению. Поэтому в течение полугода после подписания акта о капитуляции Германии в сфере денацификации политические аргументы все же возобладали над спонтанными решениями, что способствовало не только устранению последствий допущенных ошибок, но и условий совершения новых просчетов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. — М.: Текст, 2003. — С. 22–23.

² *Rousset D.* L'Univers concentrationnaire. — Paris, 1965. — P. 18.

³ *Klonovsky M., Von Flocken J.* Stalinslager in Deutschland. 1945–1950. — Ulstein-Berlin, 1991; *Mironenko S., Von Plato A., etc.* Sowjetische Straflager in Deutschland. 1945–1950. — Berlin: Akademie Verlag, 1998.

⁴ *Котек Ж., Ригуло П.* Указ. соч. — С. 404.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9409. Д. 143. Л. 22–23.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 22.

⁷ ГАРФ. Ф. 9409. Оп. 1. Д. 122. Л. 35.

⁸ *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. — М.: РОССПЭН, 1995. — С. 105.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 106.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

---

¹⁰ Цит. по: *Котек Ж., Ригуло П.* Указ. соч. – С. 103.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 36.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 213. Л. 5.

¹³ Расчеты произведены по: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 213.

¹⁴ *Juts H.* Die sowjetischen Konzentrationslager auf deutschen Boden 1945–1950. – Berlin, 1952. – S. 134.

¹⁵ *Jeske N.* Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken. – Berlin, 1998. – S. 457–480.

¹⁶ *Foitzik J.* Befehls- und Kommunikationsstrukturen der SMAD//Sozialismus und Kommunismus im Wandel. – Köln, 1993. – S. 29.

¹⁷ *Wember H.* Umerziehung im Lager: Internierung und Bestrafung von Nationalsozialisten in der britischen Besatzungszone Deutschlands. – Essen, 1991. – S. 89.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 106.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 224. Л. 7.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

²² Там же.

²³ Расчеты произведены по: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 224. Л. 7.